

**АНДРЕЙ
ВОРОНЦОВ**

**СТРОИТЬ ШЕД
СТРОИТЬ ШЕД**

А еще Енисеев предсказал политическое будущее Владимира Путина и Юлии Тимошенко. В ту пору, когда Путин был назначен Ельциным премьер-министром вместо нерешительного Степашина, не сумевшего организовать отпор отрядам Басаева, вторгшимся в Дагестан, Енисеев читал книгу Светония "Жизнь двенадцати Цезарей". В ней была фотография бюста Юлия Цезаря. Глядя на нее, Енисеев вдруг поймал себя на мысли, что видит лицо Путина, только постаревшего лет на пять. Кроме того, глядя на портреты Путина и Цезаря, Енисеев все больше находил сходство неслучайным, хотя Путину раньше никогда не симпатизировал как соратнику презираемого им Собчака.

**Будущее
не продается**

Остросюжет

Андрей Воронцов

Будущее не продается

«ВЕЧЕ»

2012

Воронцов А. В.

Будущее не продается / А. В. Воронцов — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Остросюжет)

Илья Енисеев, герой нового остросюжетного и драматичного романа известного писателя Андрея Воронцова, наделен даром видеть будущее. Поначалу способности его не находят признания. Но стоило молве разнести весть о его успехах, как люди, особенно богатые и влиятельные, понимают, что пророк — это капитал, вложенный в будущее. И вот, доселе гонимый, Енисеев становится великим искушением для поверивших в него, потому что нет в мире соблазна большего, чем тайна. Между сильными мира сего начинается борьба за пророка. Ему самому и его близким угрожает серьезная опасность. Но Енисеев находит достойный выход из безвыходной, казалось бы, ситуации!..

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	14
4	18
5	22
6	25
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Воронцов

Будущее не продается

©Воронцов А.В., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

1

Не знаю ничего хуже пустынных улиц. Это как жизнь, ушедшая из тела. Ты ходишь по мертвому телу города, по улицам-венам, из которых выточили кровь. Пустота. Семафоры. Собаки. Ты встречаешь людей, но они словно призраки. В неживом свете фонарей кажется, что они только что вышли из морга. Здравствуйте, морлоки! Наступил наш час.

Ночной город – это разоблачение города дневного. Ночью видишь, что это всё обман – дневная суета, деловитость, жизнелюбие, болтовня по мобильным телефонам. Это спектакль, придуманный чубайсами. Все знают, что нас ждет гибель. Вы стряхиваете с себя энергичность, заимствованную из рекламных роликов, как только захлопываете за собой железные, весом не меньше центнера, двери. Посмотрите на себя в зеркало, когда вы приходите домой. Вы увидите лица покойников. Каждый новый день в стране победившего капитализма накладывает на ваши лица жестокие и неизгладимые черты, как у портрета Дориана Грея. Вы не верите никому и ни во что. Ваша национальность неопределима. Вы говорите на русском языке, но это русский язык для лексикона автоответчика. У вас славянские лица, но неславянская пустота в глазах. Вы знаете, что вы живые мертвецы, но врете себе и другим, называя свое корпение в мерзких офисах, при виде которых меркнут фантазии Замятина и Оруэлла, жизнью. Иногда вы позволяете себе шутить, говоря, что вы, дескать, офисный планктон. Не надейтесь! Планктон живет, а вы мертвы. Вы мертвые рыбы в отравленной реке жизни.

Я иду по городу, от семафора к семафору. Ночью всё – насмешка, даже их мигание. Улица пуста, ни одной машины, но я стою на красный свет, жду, когда электронный указатель отсчитает секунды и мне будет позволено пройти по «зебре». Всё – обман, и настолько явный, что даже нет смысла его нарушать. Ну, пройду я по «зебре», не дождавшись «зеро» на электронном секундомере. Это что – свобода? Это – свобода? – молча кричу я промчавшемуся мимо с грохотом черному байкеру. Твои гонки по пустым улицам ничем не отличаются от моего бессмысленного стояния на красный свет. Несколько часов назад ты, как и другие, вышел из поганого офиса, сбросил пропотевший под мышками пиджак, напялил на себя черную кожу, надел шлем-горшок и завел свой урод-мотоцикл, грохотом которого ты хочешь отсечь от себя позор очередного бездарного дня. Слуги развлекаются в отсутствие господ!

В темных домах загораются окна, но я не верю в их свет. Я не верю в домашнее тепло, уют за этими окнами. Там такая же имитация жизни, как в городе днем. Вы ужинаете, пьете чай, смотрите телевизор, ложитесь в постель, не забыв прихватить контрацептивы. Вы – люди-контрацептивы, говорю я вам. А я жажду встретить *человека*. Но я даже не вижу глаз редких прохожих, потому что они их прячут от меня.

* * *

При этом Енисеев попытался взглянуть в глаза сидящих напротив проституток и ничего не увидел из-за густой туши на их ресницах.

– Наверное, они думают, что вы маньяк, – сказала одна из девушек.

Другая девушка, с детской челкой, налезающей на глаза, но с таким обилием пирсинга на бровях, что колечки звенели, когда она брови поднимала, прыснула, но тут же с некоторым испугом закрыла ладошкой рот. «Ага, стало быть, она не исключает, что я и впрямь маньяк», – отметил Енисеев. Впрочем, ему к этому было не привыкать.

Они сидели в ночном кафе, в котором, кроме Енисеева, девушек-проституток, бармена, официантки и человека в футболке с портретом Че Гевары и лицом президента Франции Саркози, никого не было. Саркози-Че Гевара был пьян уже, наверное, год или два без перерыва, поэтому не обращал на слова Енисеева абсолютно никакого внимания. Он всё смотрел куда-то в угол рядом со стойкой, где, вероятно, находился его персональный черт. Девушки же сидели за соседним столиком и, неопределенно ухмыляясь, слушали, пока одна из них, плоскогрудая, но с полными ножками, не позволила себе прервать Енисеева. Официантка дремала, а бармен смотрел футбол по спутниковому телевидению. Енисеев уже не помнил, завершил ли он свой монолог, зайдя в это кафе, или же, напротив, здесь его и начал. Представителей офисного планктона, наиболее часто упоминавшихся в его монологе, в заведении не было. Но Енисеева это не очень смущало, потому что импровизация только в сочинениях Пушкина и Достоевского доходит до прямого адресата. А ты, если захочешь привести в пример проституток, никогда не найдешь, хоть ты тресни, в качестве слушательниц этих самых проституток, а захочешь сказать о мертвецах из офисов, то нипочем не привлечешь внимания этих мертвецов.

Девушка с пирсингом, которая в глубине души не исключала, что Енисеев – маньяк, сказала, однако, подруге:

– Ну что ты, зая? Он же интеллигентный человек!

Енисеев в сердцах крикнул, достал сигареты и закурил. Интеллигентный человек! Клеймо на всю жизнь! Но разве хоть один из знаменитых пророков или проповедников был так называемым «интеллигентным человеком»?

– Далась вам эта интеллигенция! – сказал он девушке с челкой. – Вы что – часто встречаете интеллигентов?

За нее ответила плоскогрудая:

– Да нет, нечасто. У них денег нет. Они хотят провести время с девушкой на халяву. Типа поговорить красиво, как вы, поиграть в любовь-морковь и слинять.

– Да вы что думаете: я вам понравиться хочу?

– Вряд ли. Вам, наверное, идти некуда, как этому, – она кивнула в сторону Саркози-Че Гевары.

Мармеладов! Мармеладов во веки веков! С Че Геварой или без! Идти им, видите ли, некуда! При этом никуда идти они и не пытаются. Однако этим маньяком она меня сбила. Юмор – вот враг истины. Он убивает любое откровение. Проповедь должна быть совершенно лишена слабых мест, чтобы нельзя было ее разрушить остротой.

– Ну, а что вы можете сказать по поводу людей-мертвецов? – помолчав, спросил он.

– Я запомнила насчет людей-презервативов, – ответила проститутка. – А вы что: ходите по ночам, тренируетесь?

– Вроде того.

– А зачем?

Енисеев махнул рукой. «Зачем, зачем!» Как будто они сами знают, зачем сидят здесь! У них, что – есть в жизни цель? Скажем, стать профессиональными проститутками? А туда же: зачем, зачем?

– Он и есть маньяк, – сказал вдруг Саркози-Че Гевара, по-прежнему не сводящий глаз со своего черта.

В глазах девушки с челкой снова пробежал испуг. Енисеев подмигнул ей, подошел к стойке и заказал сто граммов водки и стакан томатного соку. Ну а что же пророки? Они всё время попадали в такие ситуации. Сказано, что они проповедовали некому «народу». Что же: этот народ толпами сбегался к ним, когда они приходили в город? Да ничего подобного. Они сами шли туда, где собирался этот народ – на рынки, в харчевни. А там было хоть отбавляя таких же зубоскалящих блудниц и отморожков, как и здесь. Хорошо, если на сто слушателей попадался один понимающий. Правда, были еще храмы, синагоги. Но едва ли и там публика

проявляла дружелюбие к чужакам, бичующим пороки. Как это у поэта? «В меня все ближние мои // Бросали бешено камня».

– Причем маньяк опасный, – снова заговорил Саркози-Че Гевара.

– А кто такой, по-вашему, Че Гевара, изображенный на вашей футболке? – обратился к нему Енисеев.

– Опасный... маньяк, – на тот же лад проскрипел забулдыга, не отводя взгляда от своего угла, но из-за замедленности его реакции было непонятно, кого он имеет в виду, Че Гевару или Енисеева.

– А вы тоже маньяк?

Саркози-Че Гевара молчал: может быть, осмысливал вопрос.

– Он – неопасный, – ответила за него плоскогрудая проститутка.

Звякнул колокольчик над дверью; в кафе вошли два мента.

– А, сектант, – сказал один из них, узнав Енисеева.

– Сколько раз вам говорить, – с досадой отозвался тот, – что я не сектант и ни в какой секте – ни в тоталитарной, ни в не тоталитарной – не состою.

– А чего ты тогда волнуешься? Ну, не состоишь – и хорошо.

– Не называйте меня сектантом. Вы представители закона и должны употреблять точные формулировки.

– Как же тебя называть?

– Он маньяк, – хихикнула плоскогрудая.

Менту почему-то ее вмешательство не понравилось.

– Тебе кто давал слово? Ты видишь: люди разговаривают? А ну-ка, покажи свою регистрацию!

– Шас, разбежалась! У Зульфийи Исмаиловны спросишь, она тебе платит.

– Что-что? На «субботник» захотела?

– Че Гевара – не маньяк, – запоздало бормотал из своего угла забулдыга. – Он настоящий мачо.

– Называйте меня пророком, – сказал Енисеев.

2

Давным-давно, в детстве, солнечным зимним днем маленький Илюша Енисеев бежал вокруг избушки во дворе детского сада, то ли убегая от кого-то, то ли, напротив, догоняя. Звонко разносились детские крики, визжали полозья санок, над головой кружилось солнце, перед глазами мелькали бревенчатые венцы домика, шибко скрипел свежеутоптаный снег. И был ли тому виной пьянящий запах снега, или сверкающее по всей его зернистой белизне солнце, или закружилась голова от однообразного мелькания бревен, но Енисеев вдруг остановился, не обращая внимания на толчки и снежки, разбивающиеся о его грудь и спину, и произнес раздельно и медленно: «СОЛНЦЕ. СНЕГ. ДОМ. ПТИЦЫ».

Он произносил слова и впервые отчетливо понимал, что непостижимым образом его язык, губы, дыхание порождают не просто звуки, а вполне определенные названия. Дыхание, столкнувшись с движением языка, разбивалось о небо, и в облачке морозного пара вылетал изо рта звук, другой, третий, они соединялись, и получалось: «ЧЕ-ЛО-ВЕК». Если бы Енисеев захотел сказать, что он сейчас делает, то без труда бы получилось: «Я стою и говорю». Но как такое могло быть? Он не только мог назвать солнце солнцем, а снег снегом, он мог подумать о солнце и снеге и тут же сказать, что думает о них. А мог думать и одновременно говорить, о чем думал. Мысль возникала в голове, беззвучная, и тут же озвучивалась дыханием, движением языка и губ. Каким образом она переходила именно в те звуки, какие нужно, он не понимал. А как можно думать и знать, что ты думаешь, и сказать: «Я думаю»? И почему это «думаю» появляется в голове в виде слова «думаю», а не как-нибудь иначе? Что же, выходит, если бы он не знал этого слова, то и не знал бы, что думает?

Это было второе открытие после того, как Енисеев понял, что он говорит то, что думает, и думает то, что говорит. Но он думал именно словами, и не был уверен, смог ли бы думать вообще, если бы не было слов. Он видел небо, мог подумать, что это небо и сказать: «Небо». Однако слово, как и само небо, существовало прежде мысли и звука. Думая о небе, говоря «небо», он имел дело с тем, что видел, и что называлось другими людьми небом еще до его рождения. Не он с помощью дыхания, языка, рта сделал звук словом, а увиденное глазами небо пришло ему в голову словом, стало мыслью и зазвучало с помощью языка, дыхания, рта. Слово связывало его, Илью Енисеева, с миром, потому что всё в мире имело название: солнце, небо, снег, деревья, дома, птицы, люди. Только подумаешь: «солнце» – видишь солнце, подумаешь: «небо» – видишь небо....

Прежде он делил мир на «свое» и «чужое»; в своем, ближнем мире, жили папа, мама, дедушки, бабушки, дядья, тетки, подальше – соседи, и уж совсем далеко – люди из другого дома. Своим был двор возле их дома, собаки и кошки во дворе, а люди, собаки и кошки в другом дворе были уже чужими. Мир как бы расходился от Енисеева кругами, словно круги от брошенного в воду камня. Был ближний круг, и были круги дальние. Сейчас же он почувствовал примерно то, что испытывал, когда бежал вокруг избушки, а вокруг него кружилось небо, солнце, птицы, деревья, сверкающие сугробы, дети, дома... Енисеев стоял в центре мира, который уже не убегал от него кругами, а накатывался на него, достаточно было дать жизнь одному из слов. Расстояние не имело значения, он легко преодолевал его, говоря: «солнце», «облака», «самолет», «небо», «птицы», «дома», «березы», «сугробы», «дети», «я». Мир был цепочкой, зажатой в его руке и заканчивающейся неведомо где, а звеньями цепочки были слова.

Енисеев вздохнул, и мир пришел в движение, устремился вместе с морозным, пахнущим арбузом воздухом в его легкие, как густой кисель из стакана, когда втягиваешь его в рот губами, с присвистом. На секунду, между двумя ударами сердца, он стал с миром одним целым, он ощущал его как продолжение своего тела. Казалось, шевельни Енисеев пальцем, и мир отзовется далеко за теми пределами, что были доступны его глазам. Мир сдержанно

гудел, как огромная, бесконечная, никогда не останавливающаяся машина. Всё, что видел и слышал Енисеев: солнечные блики, гул самолета в вышине, воробьиное чириканье, детские крики, нежно опушенные снегом деревья, бриллиантовый блеск над сугробами, жамкающий снежный скрип, запах арбуза, скрежет саночных полозьев, автомобильные гудки с улицы, тончайший, микроскопический узор снежинки, превратившейся в капельку на ладони, – всё это было результатом работы невидимой, ежесекундно творящейся по всему миру. Он не видел, как стучит его сердце, но слышал, как оно стучало, – так и невидимый им мир пульсировал – то ли от биения его собственного сердца, то ли от биения сердца общего для всего мира. Но не было никаких сомнений, что оба этих сердца – енисеевское и сердце мира – были неразрывно связаны и бились в унисон.

И тут, словно отозвавшись на эту мысль, его сердце ударило сильнее и раньше, чем положено, а ответного удара мирового сердца он не услышал. Связь между Енисеевым и миром внезапно порвалась, оставив в груди томительное ощущение. Что-то было не так. Мир вокруг него был таким же, как и прежде, но что-то в нем нарушилось. В сладком морозном воздухе вдруг грозно пахнуло железом, маслом, дымком солярки – так пахли танки на параде 7 ноября. Неизвестно откуда родилось грозное слово «ВОЙНА» и вместе с ним непоколебимая уверенность, что война эта началась.

– Война началась, – тихо сказал он подошедшей к нему воспитательнице.

– Нет, солнышко, закончилась! – весело возразила она. – Марш в группу! Обедать и тихий час!

– Взрослая война началась!

– Какая война? Бог с тобой! – воскликнула она. – Ты хоть знаешь, что это такое? Как мы в детстве голодали-то во время этой войны? Нет, партия и правительство не допустят!

Однако непонятная уверенность в том, что война началась, Енисеева не оставляла. Поэтому он и дома сказал о войне папе.

– Не болтай, – отмахнулся отец. – С кем война? Ты знаешь, сколько у нас атомного оружия? Нас сама Америка боится! К тому же в Америке скоро зимняя Олимпиада! Потом летняя – у нас! А во время Олимпиад не воюют.

Но в девять вечера, когда Илью уже отправили спать, по телевизору в программе «Время» сообщили, что по просьбе нового руководства Демократической Республики Афганистан в страну введен ограниченный контингент советских войск.

Илья, впрочем, этого сообщения из своей комнаты не слышал, да и едва ли бы понял, если бы и услышал, потому что в нем слово «война» не звучало, а вот родители его переглянулись и одновременно покосились в сторону двери сына.

– Наверное, по радио в саду услышал, – пробормотал отец. – Да и разве это война? Сказано: по просьбе руководства Афганистана... Помогать будут их армии. В Чехословакию тоже войска вводили – но войны же не было.

* * *

Илья учился в пятом классе, когда к родителям приехали в гости мамыны братья из Винницы – Станислав и Виктор. Они втащили в прихожую огромные мешки с грецкими орехами и две канистры, в которых, как впоследствии выяснилось, был чистейший этиловый спирт. Мешок с орехами поменьше и несколько бутылок спирта, разлитых из канистры с помощью воронки, достались в подарок Енисеевым; остальное же предназначалось для продажи на рынке.

Маленький Енисеев был потрясен. Старшего дядьку, Станислава, он помнил в солидной синей форме железнодорожника с молоточками в петлицах, а младшего, Виктора, в парадной солдатской форме с блестящими пуговицами, – он служил в Подмосковье и приезжал к ним

в увольнение. Это были советские люди – один машинист огромного локомотива, водивший поезд дальнего следования, другой – защитник Родины, воин Советской Армии. А сейчас они, дыша винным перегаром, заявились в тулупах, капелюхах, с мешками этими и канистрами, словно пресловутые Никулин, Вицин и Моргунов из фильма «Операция «Ы»».

Эстетические чувства Енисеева, а равно и этические, были оскорблены. От дядьев откровенно пахло презренным словом «спекуляция». Он даже не пытался представить их стоящими на рынке с горой грецких орехов на прилавке и канистрами спирта под прилавком, – его начинало подташнивать. К удивлению Енисеева, и мать его, и отец отнеслись к отвратительной метаморфозе, произошедшей с винницким дядьями, как к чему-то само собой разумеющемуся. Но ведь он отлично знал, что родители не любили людей, торговавших на рынках, и частенько поругивали их за алчность и недобросовестность. Почему же теперь они даже не удивились (во всяком случае, внешне) появлению Станислава и Виктора в образе торгашей?

Енисеев уже в ту пору не мог что-то долго держать в себе и прямо спросил дядьев:

– Вы что – спекулянты?

Станислав и Виктор переглянулись. Вопрос им не понравился. Задай его какой-нибудь другой хлопец, они дали бы ему подзатыльник, и дело с концом, но они слышали, что их племянник – хлопец не совсем обычный и даже предсказал войну в Афганистане.

– А ты знаешь, кто такие спекулянты? – после некоторой паузы осведомился Станислав.

Енисеев был начитанным и любознательным мальчиком. Он без запинки ответил:

– Спекулянты – это люди, наживающиеся на недостатке продуктов.

Молодой Виктор отвернулся, а старшего Станислава, судя по лицу, такая постановка вопроса еще больше покорибила.

– Вот видишь! «Наживающиеся»! – воскликнул он. – А какая же с нашей стороны нажива? В наших краях, знаешь, сколько этих орехов? На деревьях вдоль дорог растут! Бесхозные! Что же им, гнить? А в ваших краях их нет! И у государства не дошли руки их довести. Пойди, найди грецких орехов в магазинах! А они очень полезны для здоровья. Что же плохого в том, что мы помогли государству привезти их из наших краев в ваши? – Про спирт Станислав благоразумно не упомянул.

– Но вы продаете их за деньги.

– А как же? Я же свои деньги потратил, чтобы купить их гуртом! А перевоз их сюда, по-твоему, ничего не стоит? – Здесь Станислав Васильевич снова слукавил, потому что приехал на казенный счет и за багаж тоже денег не платил. Но он недооценивал маленького Енисеева.

– Я читал, что наше государство, – звонко заявил тот, глядя прямо в глаза Станиславу Васильевичу, – выпускает столько продуктов, сколько нужно человеку. Не больше и не меньше. Потому что наше государство – социалистическое, и у него плановая экономика. Оно не выращивает лишних грецких орехов. Те, что растут вдоль дороги – не бесхозные, а народные, они тоже кому-то предназначены. Может быть, их должны были привезти в наши магазины. Но их нет, потому что какие-то люди забрали их себе, продали вам, а вы их привезли продавать на рынке.

– Да я это к слову насчет «вдоль дороги»! – спохватился Станислав Васильевич. – У нас в садах эти орехи растут! А то, что в садах – личная собственность! Советское государство разрешает продавать на рынке продукты с собственного огорода!

– А спирт тоже с собственного огорода?

– Да что ты знаешь за спирт? Спирт... – Но дядька осекся и эту чувствительную тему развивать не стал. Побагровев, он уставился, как бык, на племянника и выпалил: – Да ты что: решил, что мы враги советской власти?!

Енисеев не отвел глаза.

– Да, вы враги советской власти, – тихо ответил он и добавил вдруг: – Потому что губите ее и гибнете сами.

Еще секунду назад он не предполагал, что скажет так резко, и уж совсем не думал пророчествовать. Это получилось как-то само собой. И удивительное дело: дядьки, вместо того, чтобы поставить зарвавшегося племянника на место, почему-то отвели глаза в сторону, и лица их приняли какое-то невеселое выражение. Первым встряхнулся Виктор.

– А очереди – это как?

– А что – очереди?

– Ну, если человек имеет кое-какие деньги и готов заплатить на рынке побольше, чтобы не стоять в очередях? Некогда ему, допустим? Кто-то же должен ему предоставить такую возможность?

– Да! – обрадовался поддержке брата Станислав. – Очереди! Партия сказала, что очереди со временем исчезнут, но сразу, как видишь, это не получается. Значит, и мы зачем-то нужны?

– Нет, не нужны. Если партия сказала, что не будет очередей, то сказала неправду.

Станислав Васильевич словно поперхнулся. К такой постановке вопроса он был не готов, хотя в глубине души, наверное, был согласен с племянником.

– Как так – неправда? Ты же сам говорил! Про социализм и прочее.

– При социализме цены низкие, – значит, всегда будут очереди. Государство рассчитывает, что человеку нужно, скажем, две пары ботинок в год, а кто-то пойдет и купит три или четыре. А кто-то, может быть, возьмет десять и повезет продавать в другие края, как вы грецкие орехи. А это значит, что где-то будет не хватать ботинок, и за ними люди встанут в очередь.

– И при коммунизме будут стоять? – поинтересовался Виктор.

– Конечно. Если существуют очереди, когда товары продаются за деньги, то тем более будут, когда их станут выдавать бесплатно. Ну и что? Людей на земле становится всё больше, невозможно им дать всё сразу и без очередей.

Енисеев не помнил, чем кончился тот разговор (кажется, в комнату вошли родители), и не знал, действительно ли дядьки были среди тех, кто погубил советскую власть. Но он знал, что Виктор через несколько лет спился, работая охранником товарных поездов с «бормотухой», и умер вскоре после развала СССР. Станислав, выйдя на пенсию в «незалежной» Украине (а пенсию украинское государство назначило ему в 54 гривны), ни сил, ни здоровья заниматься перегоциями уже не имел и умер от рака. Неизвестно, напрогнозировал ли им их судьбу Енисеев, но мелкий бизнес при социализме им точно счастья в жизни не принес.

Позднее Енисеев относился к очередям не столь спокойно, как в детстве, когда он в них почти не стоял. Но в целом, надо сказать, очередей на его долю выпало немного, поскольку во взрослую жизнь он вступил уже при капитализме. И вот однажды суждено ему было вернуться в социализм. Он зашел в большой супермаркет купить какую-то мелочь. Найдя то, что ему нужно, Енисеев пошел к кассе и наткнулся на длинную очередь. Так бывало и при капитализме, если другие кассы почему-либо не работали, но, поглядев по сторонам, Енисеев с удивлением убедился, что все шесть касс супермаркета работали и ко всем стояли такие же огромные очереди – преимущественно из пожилых людей. Вяло размышляя, уйти ли ему или продолжать стоять, он вдруг услышал такую знакомую по «перестроечным» временам, но совершенно невозможную в рыночные времена фразу: *«Отпускаем только по две в руки!»*. По очереди волной прокатился недовольный ропот. Енисеев тоже с неудовольствием поймал себя на давно забытом желании советского человека взять чего-нибудь больше, чем «по две в руки». Он поглядел в корзины и тележки стоявших перед ним людей и увидел в них... пачки обыкновенного рафинада. У Енисеева возникло ощущение, что он попал в провал во времени. Он недоуменно спросил стоявшую впереди бабушку:

– В чем дело? Разве сахар исчез из продажи?

– Да не исчез! – ответила та раздраженно, не зная, видимо, что делать с лишними четырьмя пачками рафинада, что лежали у нее в тележке. – Сахар просроченный, они продают

его по двенадцать рублей вместо двадцати четырех! Послушайте! – вдруг сказала она, бросив взгляд в корзину Енисеева. – Вы сахара не берете, возьмите для меня две пачки! Вот деньги!

Но Енисеев уже не глядел на нее. Его детские представления о политэкономии социализма подтвердились! Снижение цен мгновенно вызвало очередь. Он сразу припомнил свой давний спор с дядьями и неожиданно для самого себя (как это часто у него бывало) сказал на весь зал:

– А может, это не советская власть была виновата в очередях, а вы? Смотрю я на вас, господа-товарищи пенсионеры, и вижу, что вы в очередях словно родились. Вы продали Советский Союз за колбасу, а сами стоите за просроченным сахаром. Где логика? И сервелат этот, о котором грезили при социализме, вы не покупаете. Вот же он, без всякой очереди! Берите! Нет, вы давитесь в «Пятерочках» за дешевой колбасой из сои и крахмала, которую так ругали при советской власти. Своим шипением насчет дефицита и очередей вы отвращали нас от социализма. А сами по-прежнему готовы стоять в очередях и день и ночь. Это, оказывается, ваша жизнь. Так чем же вам не нравился социализм? Чему вы учили нас? И чему сейчас учите своих внуков? Скажите им правду, что голосовали за власть, от которой сами вымираете по миллиону человек в год!

Енисеев не получил ни от кого ответа. Народ, как в «Борисе Годунове» у Пушкина, безмолвствовал и на бичующего его витию старательно не глядел. Только стоявшая впереди Енисеева бабка спросила:

– Уважаемый, так вы возьмете мне две пачки сахара или нет?

3

Дело не в том, сбываются или нет предсказания, а в том, могут ли люди ими воспользоваться. Пока еще это никому не удавалось. Предсказаниям либо верили, либо не верили, но ничего не предпринимали, чтобы изменить судьбу, и убеждались в справедливости пророчества, когда оно становилось необратимым фактом. Те же, кто верил и пытался не допустить предначертания, делали это так, что лишь приближали его свершение. Так повелось со времен царя Эдипа. Борясь против рока, он лишь быстрее способствовал его наступлению. Что из того, что Нострадамус умел предвидеть будущее? Оно наступило, и никто не смог помешать этому.

Стало быть, не имеет никакого значения, предсказано будущее или нет? Но мы отлично знаем, что люди не потеряли интерес к прорицаниям. Им почему-то важно не только то, что напророчено о будущем, но и то, что было напророчено в прошлом. Вероятно, если судьба человека predetermined, то сообщение об этом говорит о некоей доступности predetermined, а стало быть, о возможности его корректировки. Страшна неумолимость, полнейшая закрытость предначертания. Кто-то свыше знает о твоём жизненном пути всё, а ты не знаешь ничего. Невыносимо!

Итак, люди по-прежнему нуждаются в прорицателях, чем активно пользуются жулики, называющие себя астрологами, хиромантами и предсказателями судьбы. Это паразиты, дискредитирующие сам феномен пророчества. Нам пытаются доказать, что он связан со сверхъестественными способностями человека, а они здесь вовсе ни при чем. Ничего сверхъестественного просто так, за здорово живешь, не бывает. Пророчества без морали – цирк, не более того. Пророчества – это действенная сторона морали. Иеремию иудеи били не за пророчества как таковые, а за заложенную в них мораль. Он не мог изменить ход событий, но он довел до сведения людей причину их несчастий.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Судьба человека темна и трагична, если он не слышит голоса совести. Если же он слышит его, то она может быть трагична, но вовсе не темна. Предопределение есть форма судьбы, но не ее содержание. Содержание людям помогают узнать пророки, и они же помогают людям связать их отдельные судьбы в общую судьбу – племени, народа, государства. Осмеянная не раз тяга обывателей к прорицаниям – не предрассудок, а неосознанное стремление обрести снова ту утраченную идеальную форму бытия, когда во главе народа стоит вождь-пророк, а его, в свою очередь, направляет Бог на небесах.

– Сколько занимаюсь гаданием по руке, не припомню, чтобы людей интересовали моральные проблемы, – сказал уличный хиромант, подле которого размышлял вслух Енисеев. – Их интересует только личное будущее.

– Будущее – чушь. На бытовом уровне люди умеют предвидеть это самое будущее. Но они в подавляющем большинстве не знают смысла и цели жизни и не видят связи между моралью и судьбой. Поэтому они нуждаются в пророках, а за неимением таковых обращаются к жуликам-предсказателям.

Хиромант оскорбился или сделал вид, что чувствует себя оскорбленным. Это был худой смуглый мужчина средних лет, похожий на грека или грузина, но говоривший по-русски довольно чисто.

– Если предсказать будущее так просто, как вы говорите, то предскажите мое, – предложил он. – Хотя бы ближайшее.

– И мое, – сказал краснолицый мужчина с банкой пива в руке, стоявший у столика уличного предсказателя и слушавший разговор Енисеева и хироманта.

– А вы мне предлагаете роль Воланда? – оживился Енисеев. – Хорошо. Вы, мужчина, в ближайшем будущем допьете свое пиво, и, не исключено, что возьмете еще баночку. А вас, господин хиромант, ожидают неприятности с милицией, коей, видимо, вы не заплатили положенную мзду.

И тут же, как по заказу, за спиной хироманта вырос милиционер.

– Гражданин! Ваши документики!

Потрясенный хиромант разинул рот.

– Ничего сверхъестественного, – снисходительно объяснил Енисеев. – Я видел, как он подходит к вам сзади. На какие-то секунды Господь позволил мне узнать больше о вашем ближайшем будущем, чем это знаете вы, предсказатель судьбы. Но я в данном случае сыграл ту же роль шарлатана, какую играете вы.

– А, пророк! – узнал его мент. – Ты что – устранишь конкурентов? Учти, будешь пророчествовать за деньги, я тебя тоже оштрафую. Гражданин, следуйте за мной, – приказал он хироманту.

Тот покорно сложил свой столик и поплелся за ментом.

– Может, по пиву? – предложил ослабившийся краснолицый.

– Нет, пиво пейте один, как предсказано, – отказался Енисеев. – Не стоит играть с судьбой.

* * *

Енисеев сидел в приемной заместителя председателя Государственной думы. Он вышел к Енисееву сразу, как тот пришел, но сказал:

– Ко мне приехали две делегации – с Урала и Украины, и я должен их принять. Не думаю, что это будет долго. Вам придется немного подождать. Как только мы закончим, я – полностью в вашем распоряжении.

Гостей вице-спикер принимал часа три. Енисеев от нечего делать смотрел трансляцию пленарного заседания Думы. Кресло вице-спикера в президиуме пустовало. Когда объявили перерыв, он выглянул в дверь и сказал секретарше:

– Заберите, пожалуйста, из зала заседаний папку с моими бумагами.

Заместитель председателя Госдумы был нестарым, цветущим человеком с вкрадчивой улыбкой. Он возглавлял политическую партию и готовился к выборам. Газета, в которой сотрудничал не знавший, куда приткнуться со своим филологическим образованием Енисеев, послала его взять у вице-спикера интервью. Это был оплаченный из избирательного фонда материал, поэтому, видимо, политик не боялся, что Енисееву надоест ждать.

Наконец он позвал его в кабинет. Но на плечах Енисеева вошел какой-то партийный активист и объявил вице-спикеру, что два человека, включенных в их избирательный список, подали заявление о выходе из него. Политик думал недолго.

– Передайте им, что это не они выходят из списка, а я их изгоняю – с позором, – тоном цезаря объявил он.

Вице-спикер был популярен – прежде всего в оппозиционной патриотической среде, и мог себе позволить не переживать из-за каких-то двух ренегатов. Активист, неопределенно усмехнувшись, исчез, и дальше дело пошло быстро. Политик неглупо, уверенно, аргументированно отвечал на вопросы Енисеева, говоря, главным образом, о первых шагах своей партии в случае успеха на выборах. В самом же успехе он нисколько не сомневался. Вице-спикер сла-

вился красноречием, остротой постановки вопросов и политической непотопляемостью. В его карьере наступил период, когда ему стало тесно в рамках избирательных объединений и блоков, и он решил идти со своей партией на выборы самостоятельно. Поскольку лично политик еще не проиграл ни одних выборов и был фигурой, как говорят, харизматической, то считалось, что он, по примеру Жириновского, послужит для своей партии хорошим локомотивом и вытянет ее в Думу.

Енисеев в принципе думал так же, но кое-что насторожило его еще до того, как он начал разговаривать с вице-спикером. Дело было даже не в двух ренегатах, в последний момент покинувших корабль партии вице-спикера, – такое происходило сплошь и рядом даже в больших думских партиях, если невысокое место в списке не гарантировало кандидатам попадания в Думу. Еще уславливаясь о встрече с политиком, Енисеев попросил, чтобы его помощники подготовили необходимые материалы – программу, фотографии, эмблему партии. Утром, зайдя в секретариат вице-спикера, Енисеев ничего этого не получил. Худой очкастый глава секретариата, похожий на молодого Сулова, лишь беспомощно рылся в гигантской, доходившей почти до потолка стопке бумаг на подоконнике. Вероятно, Шерлок Холмс смог бы определить возраст этих бумаг по цвету их слоев: внизу они были грязновато-желтые, а по мере возрастания стопы постепенно светлели. Но и без Шерлока Холмса было ясно, что такой плавный переход из одного оттенка желтого в другой мог быть достигнут лишь в том случае, если бумагами на подоконнике никогда не пользовались. Енисеев понял, что искать здесь что-либо бесполезно. Поэтому он попросил вице-спикера дать своему секретариату прямое указание найти материалы, пока он дожидается приема.

Кидая на интервьюера не очень дружелюбные взгляды, помощники политика, тем не менее, довольно быстро, не прибегая к помощи стопы на подоконнике, нашли фотоальбом и программу. Заминка вышла за малым: не могли, как ни странно, обнаружить эмблемы. А она, между тем, в пропагандистском смысле значила больше фотографий вице-спикера и его соратников, потому что воспроизводилась на избирательных бюллетенях. Сказав об этом функционерам, Енисеев направился было назад в приемную. Но тут один из помощников воскликнул: – Вспомнил! Есть! – Это прозвучало, как знаменитое «Эврика!».

Он полез в шкаф, где размещались неперенные в думских кабинетах кубки, грамоты и вымпелы, и вытащил оттуда немаленькое блюдо с позолотой.

– Вот!

– Что – вот? – не понял Енисеев.

– Логотип! На блюде!

Енисеев взглянул: на блюде, очевидно, подарочном, действительно красовался логотип партии вице-спикера.

– Так, – несколько растерянно пробормотал он, – а что мне с ним прикажете делать? Фотоаппарата я не взял. Я могу его отнести в газету и отсканировать, если оно поместится в сканер.

Не без сожаления посмотрев на блюдо, помощники согласились, взяв с Енисеева обещание вернуть раритет. Сейчас партийное блюдо лежало в его сумке. Именно оно и было, скорее всего, источником сомнений Енисеева. В Думу проходили те партии, эмблемы которых красовались на пригородных заборах, а не на подарочных блюдах. Ренегаты, кладбище партийных документов на подоконнике, не очень радивые помощники, выдвижение вице-председателем своей кандидатуры одновременно по одномандатному округу – всё это само по себе не столь уж много и значило, потому что могло происходить в любой партии, но вот блюдо с логотипом придавало этим явлениям некую последовательность и законченность.

Енисеев задавал вице-спикеру свои вопросы и записывал на диктофон ответы, а роковое блюдо не выходило у него из головы. Оно, казалось, обесмысливало всё, что говорил его собеседник. Под конец Енисеев всё же не выдержал:

– Позвольте задать личный вопрос, что называется, не для протокола?

– Пожалуйста, – благосклонно кивнул политик.

– Вы и вправду верите, что ваша партия сможет пройти семипроцентный барьер?

На лице заместителя председателя Думы мелькнуло выражение, какое бывает у человека, застигнутого врасплох в не самый подходящий момент. Но оно омрачилось, если Енисееву это не показалось, лишь на долю секунды. Вице-спикер снисходительно улыбнулся, обнаружив вдруг странное сходство с котом.

– Я в политике не первый год. Неужели вы думаете, что я это всё затеял бы, если бы твердо не верил в победу?

Енисееву полагалось из вежливости согласиться с ним и распрощаться, но он издевательски четким голосом сказал:

– Вы побеждали на выборах, когда на вас надевали наручники и запихивали в «воронок». А теперь хотите их выиграть из кабинета. Вы рассчитываете на своих помощников, которые тоже сидят в кабинетах. Но реальная партия, особенно новая, – это сообщество чокнутых на какой-нибудь идее людей, а не кабинетных бюрократов. Лично я вашей программе сочувствую, но помяните мое слово: ваша партия не получит и одного процента. Однако сами вы по одномандатному округу в Думу пройдете.

Откуда, как возник этот «один процент»? Задав свой вопрос о семипроцентном барьере, Енисеев в этих пределах шансы партии вице-премьера и оценивал, и вдруг... Улыбка с лица политика исчезла.

– Посмотрим, – сухо сказал он и кивнул, не подавая руки.

Перед уходом из Думы Енисеев зашел в секретариат вице-спикера позвонить по телефону. Когда он повесил трубку, в дверях вдруг появился сам заместитель председателя со здоровенным букетом роз в руках.

– Уезжаю в театр, – бросил он помощникам. – Надо поздравить юбиляра. – На Енисееве взгляд его задержался лишь на мгновение, как на постороннем предмете, и скользнул дальше.

Блюдо с логотипом поместилось в сканер. Но Енисеев так и не вернул его в секретариат, потому что на первой же редакционной пьянке блюдо использовали по прямому назначению – то есть для колбасы и сала. А помощники вице-спикера о нем не напоминали: видимо, больше логотип партии никому не потребовался.

На парламентских выборах партия заместителя председателя Думы получила 0,9 процента голосов – точно по прогнозу Енисеева. Сам политик, опять же по прогнозу, прошел в Думу, но заместителем председателя, конечно, уже не стал.

С бывшим вице-спикером Енисеев повстречался снова где-то через год, на открытии Московского кинофестиваля. Они столкнулись в проходе. В руках у политика был букет роз. Он явно опять намеревался поздравлять кого-то. Енисеев поздоровался с ним. В глазах отставного вице-председателя он прочитал желание не узнать интервьюера-пророка. Но он справился с секундной слабостью и, нейтрально улыбнувшись, подал Енисееву руку. У того чесался язык напомнить о том, кто же на самом деле оказался прав, но он не сделал этого. Поданная политиком рука и была косвенным признанием правоты Енисеева.

4

А еще Енисеев предсказал политическое будущее Владимира Путина и Юлии Тимошенко.

В ту пору, когда Путин был назначен Ельциным премьер-министром вместо нерешительного Степашина, не сумевшего организовать отпор отрядам Басаева, вторгшимся в Дагестан, Енисеев читал книгу Светония «Жизнь двенадцати цезарей». В ней была фотография бюста Юлия Цезаря из Британского музея. Глядя на нее, Енисеев вдруг поймал себя на мысли, что видит лицо Путина, только постаревшего лет на пять.

Надо сказать, что тогда, несмотря на высокое назначение, преемником Ельцина Путина никто не видел. Енисеев убедился в этом, полистав Интернет. Егор Гайдар в августе девяносто девятого говорил о возможном президентстве Путина: «Пока это трудно себе представить». Соратник Гайдара Сергей Юшенков: «Нет, ведь слова президента о преемнике можно понимать как стремление политически уничтожить Путина». Георгий Сатаров, бывший помощник Ельцина: «Назначение Путина преемником сыграет на руку остальным кандидатам, прежде всего Примакову». Олег Морозов, лужковско-примаковское «Отечество – вся Россия»: «Нет, и думаю, что и сам Владимир Владимирович этого не видит. Но он вынужден принять правила игры». Алексей Митрофанов, тогдашний сподвижник Жириновского: «С какой стати?» Екатерина Лахова, движение «Женщины России»: «Путин практически неизбираем». Игорь Бунин, политолог: «Такая любезность Ельцина может испортить карьеру любому политику».

Этот согласный хор отрицания настораживал сам по себе, ибо безволие предшественников на посту премьера выгодно подчеркивало волевые поступки Путина, от которых народ уже отвык (решительное наступление в Дагестане, обещание «замочить» басаевцев хоть в сортире). Кроме того, глядя на портреты Путина и Цезаря, Енисеев всё больше находил сходство неслучайным, хотя Путину раньше никогда не симпатизировал как соратнику презираемого им Собчака.

Поразмышляв над всем этим, Енисеев написал для журнала, в котором тогда был обозревателем, полушуточную статью под названием «Пришел, увидел, победил» и подзаголовком «До свидания, куклы!»:

«Во внезапном возвышении Путина есть некая совершенно обескураживающая, а потому и неназываемая политологами правда. Это – полная беспомощность, несамостоятельность и некомпетентность той “политической элиты”, что существовала до назначения Путина председателем правительства. Она таращит глаза на Путина, как будто на политическом небосклоне появился НЛО, затмивший враз померкшие полусветила. Надо же! Такие “бабки” получать и так обмишуриться... Как не стыдно!

И телешоу “Куклы” на НТВ сразу как-то поблекло – вы заметили? Полагаю, нас ждет постепенное отмирание этих “Кукол”, – во всяком случае, в прежнем качестве. Ельцинский балаганчик закрывается. До, свидания, куклы! Первый симптом краха балаганчика – в том, что кукла Путина не очень-то вписывается в ряд привычных персонажей шоу Пичула – Шендеровича. Ведь какова его концепция? Все куклы делятся на две части – Ельцин и остальные. И это, в принципе, верно: ведь личностью среди них, пусть и с отрицательным знаком, являлся только Ельцин. Когда ввели Лукашенко – тоже, безусловно, личность, – его пришлось сильно окарикатурить, чтобы не “перетягивал”. А вот “концепции Путина”, кроме вариаций на тему “мочить в сортире”, кукловоды с НТВ не нашли – потому и не “вписался” он.

Вы видите здесь два портрета – Юлия Цезаря и Владимира Путина. Удивительно: разделенные двумя тысячами лет, они всматриваются друг в друга, как в свое зеркальное отражение. Казалось бы, кто такой Цезарь, а кто такой бывший подполковник КГБ Путин? Но вспомним Аристотеля, одного из основателей науки “физиогномики”, которая учит, что между внешним

обликом человека и его принадлежностью к определенному типу личности существует нерасторжимая связь. Сравнивая портреты Цезаря и Путина, попытаемся составить некий интеллектуальный и психологический фоторобот.

Итак, прически у Цезаря и Путина одинаковые, только Цезарь, в отличие от Путина, зачесывал волосы на лоб, сзади наперед. Волос немного, но и то правда, что при длинных волосах ум бывает короток. Цезарь охотно соглашался, когда ему советовали прикрывать часть “волосяной поляны” лавровым венком. Лбы, как у Цезаря, так и у Путина, всеми специалистами-френологами оцениваются по высшей шкале. Высокий, ровный лоб говорит о бесспорной одаренности.

Теперь посмотрим на уши обоих властителей. Если ухо расположено выше уровня бровей, то это свидетельство высокого интеллекта, а если ниже – то можно претендовать только на мандат депутата городской думы. Так вот, у Путина этот показатель, пожалуй, получше, чем у Цезаря.

Без крупного, длинного носа в политике вообще делать нечего (пример – Лужков). Он – признак стратегического склада ума и характера. Древние шутили, что человек с длинным носом влезет туда, куда другие не дотянутся и руками. Выраженная “носатость” – это внешнее проявление такого весьма ценного качества, как упреждающая реакция на ход событий. Таких людей ценят среди охотников и диверсантов.

Обратите внимание на желобок, идущий у Цезаря и Путина от носовой перегородки к верхней губе. Чем глубже и четче он вырезан, тем решительнее и напористее является его хозяин. Такие люди охотно берутся за новое дело, не без основания считая, что только так и можно подняться над серостью и обыденностью. Наш Путин этим желобком ничем не уступит ихнему Цезарю.

Челюстной аппарат – это механизм захвата и удержания добычи. Плебеи стараются развить его непрерывным жеванием чуингама, а есть люди, которым он достается от рождения. Крепкие, почти квадратные челюсти Цезаря и Путина говорят о том, что эти своего не упустят.

Не надо пытаться заглядывать в глаза людям типа Цезаря и Путина: это связано с риском для вашего благополучия. Их постоянно суженные зрачки отражают ежеминутную готовность к активным действиям. Это о них говорят, что они смотрят, как сквозь прицел. Не надо добровольно становиться мишенью!

Всё вышесказанное дает основание считать, что Путина выберут президентом, и его президентство будет более успешным, чем предыдущее ельцинское. С большой долей вероятности можно сказать, что к своим противникам Путин будет так же милостив, как и Цезарь, про которого рассказывали, что, когда он попал в плен к пиратам, то в ответ на их издевательства обещал им смерть на кресте. Когда через некоторое время пираты попали в плен к самому Цезарю, он сжалился над ними и велел заколоть их кинжалами, и только потом приказал прибить к крестам.

Надеемся, что сходство героя античности и героя нашего времени не заставит Путина разделить судьбу Цезаря, который погиб от двадцати трех ударов кинжала, нанесенных его ближайшими друзьями. Напомним слова римского историка Гая Светония Транквилла: “Из его убийц никто не прожил после этого больше трех лет и никто не умер своей смертью. Все они были осуждены и погибли по-разному... А некоторые поразили себя тем же кинжалом, которым они убили Цезаря”».

Енисеев отнес статью с фотографиями главному редактору журнала. Она была лучшей из всех когда-либо написанных Енисеевым, не стремившимся к успеху в этом жанре, поскольку тяготился им. Но у лучшего, как известно, в российской прессе незавидная судьба. Редактор прочел, почесал затылок и вычеркнул фамилию Енисеева под материалом, написав: «Аналитическое агентство». Зачем он так сделал, один Бог знает: вероятно, считал, что не Енисееву

заниматься иронической физиогномикой Путина и предсказывать исход президентских выборов.

На статью тогда не обратили особого внимания, но потом, после 26 марта 2000 года, когда Путин победил на президентских выборах, завоевал снова Чечню, сокрушил Гусинского, Березовского и Ходорковского, о нем стали писать то же самое, только всерьез и не упоминая Цезаря.

29 декабря 2002 года прекратила свое существование программа «Куклы».

* * *

С Тимошенко же дело было так. Накануне украинских выборов 2009 года Енисеев с женой отдыхал в Крыму. По всему полуострову висели белые, лишённые признаков партийной символики билборды и растяжки:

«Вони відпочивають (отдыхают),

ВОНА – працює (работает)»;

«Вони грабують,

ВОНА працює»;

«Вони зраджують (предают)

ВОНА – працює», – и т. п.

Совершенно очевидно, что авторы «ВОНЫ» действовали в полном соответствии с учебником коммерческой рекламы, предписывающим в течение достаточно долгого периода времени вбивать в сознание потребителей непонятное интригующее слово, а перед распродажей разъяснить, наконец, какой именно продукт оно означает. Исходя из этой логики, полагал Енисеев, «ВОНА» непосредственно перед выборами должна была превратиться в Тимошенко. Он ошибся ненамного, упростив схему данного «пиара» на одно звено. На самом же деле планировалась не одна, а еще две смены слоганов: сначала «ВОНА – це Україна», а потом, где-то за месяц до выборов – «Україна – це Тимошенко». Последнего, кстати, так и не произошло.

Естественно, количество смен слоганов в проекте «ВОНА» его маркетинговой сути не меняло. В штабе Тимошенко сидели такие же пиар-шарлатаны, как и в России, где давно уже этот рекламный трюк в политике опробовали, и без особого успеха. Енисеев помнил, что несколько лет назад в Москве у одной из станций метро полгода раздавали бесплатно еженедельную газету с загадочным названием «МД». Перед выборами (кажется, в Госдуму) газета вышла с жирной шапкой: «МД» – это МИХАИЛ ДВОРНИКОВ!», а дальше следовало многополосное интервью с этим самым Дворниковым, кандидатом в депутаты по этому округу. Он с треском проиграл выборы, поскольку избирателей, видимо, не очень заинтересовал тот факт, что «МД» – это инициалы кандидата в депутаты. Зато жуликоватые журналюги полгода успешно кормились возле этой «МД» и господина Дворникова.

Енисеев еще был в Крыму, когда туда пожаловала Тимошенко. Она провела встречи с избирателями, а потом дала пресс-конференцию. Енисееву позвонили из одной газеты и попросили аккредитоваться и сделать материал. Лишние деньги ему бы не помешали, а под такой материал уверенно можно было просить аванс. Его тут же прислали, и Енисеев поехал с Южного берега в Симферополь. По дороге, помимо пресловутой «ВОНЫ», он неоднократно встречал другой проект пиар-шарлатанов: из грязных зеленовато-коричневых пятен на билборде проступало лицо бывшего председателя Верховной Рады Украины Арсения Яценюка и слоган: «АРСЕНИЙ. СПАСТИ СТРАНУ». Один Бог ведал, почему этот похожий на кролика длинный лысый юрист представал в камуфляжных цветах. Смех смехом, а халтурные билборды и растяжки в духе наглядной агитации Остапа Бендера стоили немалых денег, поскольку висели на главной крымской трассе, ведущей к Южному берегу.

На пресс-конференции Тимошенко выступала, как на митинге, с воздетым кверху правым пальчиком, к которому часто добавляла левый, словно показывала, какую рыбу поймала. Дали задать вопрос и Енисееву, хотя он к этому не очень стремился. Он спросил первое, что пришло в голову:

– Что вы будете делать в случае проигрыша на выборах?

– А кто вам сказав, що я програю? – отпарировала Тимошенко. Ее риторический вопрос не подразумевал ответа: здесь по законам жанра полагалось рассмеяться, и всё. Во всяком случае, так сделали украинские журналисты. Но Енисеев тут же воспользовался опрометчиво данной ему Тимошенко возможностью и ответил:

– Как минимум две вещи говорят об этом. Во-первых, ваша наглядная агитация, которая осуществляется по законам коммерческой, а не политической рекламы. Ведь если внедряемый в сознание с помощью незнакомого слова товар конкурентам трудно высмеять, то «ВОНА» легко уязвима с этой точки зрения, потому что о ней, по крайней мере, известно, что она женского рода и имеет отношение к Тимошенко. Во-вторых, вы приехали в русскоговорящий Крым и говорите только по-украински. Ваши сторонники на западе Украины легко простили бы вам, если бы вы говорили в Крыму по-русски, оставаясь на их позициях. А вот вашим русскоязычным сторонникам в Крыму важно, чтобы вы говорили именно по-русски. Вы же делаете реверанс в сторону Львова, в данном случае ему не очень важный, и теряете Крым. Заметьте, при этом я не упоминаю ни о Черноморском флоте, ни о НАТО: здесь голоса между вами и Януковичем разделятся традиционно и не факт, что в вашу пользу. В итоге вам не хватит именно тех голосов, которые будут поданы в Крыму за Януковича, и вы проиграете выборы. – Незаметно для себя начав пророчествовать, Енисеев остановиться уже не мог и предрек Тимошенко: – После этого вы никогда уже не вернетесь к власти. Вас затаскают по судам.

В зале повисла тишина. На миг Юлия Владимировна опустила глазки, а когда снова их подняла, они абсолютно ничего не выражали, словно Тимошенко успела надеть на них какие-то защитные линзы. Столь же нейтральной была и улыбка ее длинных пухлых губ. Не выставив пальчика, Тимошенко сказала (снова по-украински), что не боится быть смешной, потому что известно, кто хорошо смеется; затем, всё же выставив пальчик, заявила, что говорить в Крыму на «державній мові» Украины честнее, чем говорить по-русски и обещать сделать русский язык вторым государственным, как Янукович, но не делать этого. На предстоящих выборах будут решаться более важные, насущные проблемы для граждан Украины, чем проблема второго государственного языка. Например, борьба с коррупцией. Судами же ее не удивить. Что же касается результатов выборов, то она верит не в пустые прогнозы, а в здравый смысл украинского народа. Украинцы ей похлопали.

«ВОНА» накрылась месяца через два. Сначала народ повеселила никому не известная женщина по фамилии Вбна, зарегистрировавшаяся кандидатом в президенты Украины, а потом пропагандисты Януковича нанесли второй удар, окончательно разрушивший кропотливо возводимое здание «долгоиграющей» «ВОНЫ». Они использовали то, что уже носилось в воздухе, щекотало кончики языков людей, но еще не родилось как слово. Пиарщики «Партии регионов» сняли и запустили по ТВ видеоролик, в котором демонстрировались тимошенковские баннеры на фоне разрушающихся украинских заводов, бомжей, беспризорных, проститутток, наркоманов, а под конец дали свой вариант слогана: «Коли ВОНА так працює, нехай ВОНА відпочіває». Это было, что называется, простенько и со вкусом. Народ заржал – и миллионы тимошенковских долларов, потраченных на «ВОНУ», вылетели в трубу. Оттого и не дошло дело до заключительной части «ВОНЫ» – «Україна – це Тимошенко».

Во втором туре выборов Тимошенко уступила Януковичу 887 909 голосов.

В Крыму за Януковича проголосовали 821 244 человека.

5 августа 2011 года Тимошенко арестовали в зале суда.

5

Мы знаем много пророков в человеческой истории, но мы не знаем, как ими становились. Происходило ли это так, как в стихотворении Пушкина?

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

Или пророки развивали свой дар так, как развивал его косноязычный Демосфен, учившийся дикции, набив камнями рот?

Мне дана некая возможность предвидения, но я не знаю, зачем. Я умею заставить людей слушать себя, но не умею зажечь их сердца. Что это – отблески случайного дара, которым не суждено развиться в подлинный дар, как не суждено поэту-импровизатору, сочиняющему стихи на ходу, писать стихи гениальные? Или, напротив, я обладаю начатками тайного божественного знания, которые требуется неустанно возвращать? Но как? Я должен личным примером доказать свое право быть пророком? Как у Лермонтова?

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.

Стало быть, надо ходить в рубище, питаться акридами, просить подаяние, показывая гноящиеся язвы? Однако времена почтения к юродивым на Руси прошли, и сегодня прорицателя в рубище безоговорочно сочли бы жуликом, не считая при этом за жуликов уважаемых шарлатанов, камлающих в окружении пентаграмм, семисвечников и зеркал.

Мои «демосфеновы камни» – что это?

Может быть, я обращаюсь не к тем людям и не тогда, когда это действительно необходимо? Но как найти нужных людей и выбрать правильный момент? Если бы имел возможность пророчествовать по телевидению или радио, нужные люди сами бы нашлись, но электронные СМИ для того и существуют, чтобы не вернулась на Землю эра пророков. Есть еще Интернет. Можно открыть свой блог и пророчествовать сколько угодно. Но это точно такое же занятие, как писать статьи и книги, а я не писатель. Я и журналист-то никакой. То, что мне нравится писать, печатают крайне редко, а то, что нравится издателям, вызывает во мне отвращение. Даже лучшие мои статьи и очерки лишены того запала, который появляется у меня, когда я вдруг начинаю резать правду-матку совершенно случайным людям. А потом, писательство – это ведь низший вид творчества по сравнению с пророчеством; во всяком случае, так считали люди, знавшие в писательстве толк – Пушкин, Лермонтов, Гумилев... Писательство, в сущности, – такая же замена древнего искусства пророчества, как гадание по руке и по картам – замена искусства прорицания. Мы знаем пророков, ставших писателями (в том смысле, что записывали свои откровения), но не знаем писателей, ставших подлинными пророками. Какой же смысл постигать секреты мастерства, являющегося эрзацем более высшего мастерства?

А может быть, я никакой не пророк, а просто так называемый аналитик, не нашедший применения своим способностям? Но откуда, из какого анализа родились эти цифры: меньше одного процента голосов у партии вице-спикера или число голосов избирателей Крыма, которых недосчиталась Тимошенко? Да никакой анализ и не смог бы позволить уверенно сделать эти выводы. Я после выборов посмотрел в Сети данные украинского Центризбиркома. То, что мое пророчество исполнилось, и Тимошенко не хватило 887 909 голосов, почти равных количеству избирателей Крыма, проголосовавших за Януковича, вовсе не давало оснований однозначно утверждать, что судьба украинских выборов решилась именно в Крыму. Тимошенко всё-таки здесь получила 181 715 голосов, так что на самом деле разница составляла около семисот с чем-то тысяч голосов. Эта цифра с лихвой перекрывалась разницей в пользу Тимошенко, скажем, во Львовской области. 887 909 голосов «ВОНА» недополучила по всей Украине. Мое предсказание было скорее красным словцом, неожиданно сбывшимся. А с другой стороны, при тогдашнем равновесии сил как раз «крымская гирька» вполне могла всё решить в пользу Януковича... Да и что такое способность поверх всякого анализа точно почувствовать намерения миллионов, как не то, что мы называем пророчеством?

А какому анализу обязано мое детское предсказание о войне в Афганистане и пророчество дядьям, что они губят страну и гибнут сами?

Эти и другие предсказания, как бы невзначай сделанные мной, говорят, что я не лишен некоего наития. Но что это – искра Божья или игры со мной в кошки-мышки лукавого? Мне нужен знак, который, как луч фонаря, осветил бы мой путь, но знака нет. Или я его не вижу. Я блуждаю впотьмах, и не знаю, когда смогу выйти на свет.

– А в спиритических сеансах вы участвовали? – спросил священник, к которому пришел за советом Енисеев.

– Было дело, но к так называемым медиумам не отношусь. Когда я сам пытался повторить эти сеансы с друзьями, у меня ничего не получалось. Впрочем, всё это было очень давно – в отрочестве.

– Что ж, какие-то способности и впрямь у вас есть, – задумчиво промолвил священник. – Ведь, спрашивая про спиритические сеансы, я на самом деле именно медиумические способности и имел в виду. И вы сразу разгадали суть вопроса.

– Это всего лишь логика, не имеющая отношения к тому, что мучит меня, – уныло сказал Енисеев. – А то, что доводилось мне предсказывать, выходит за рамки логики.

– Скажу честно, кроме нескольких старцев, никогда не встречал людей, которых можно отнести, что называется, к пророкам. Экстрасенсов, астрологов, несостоявшихся спасителей Отечества доводилось встречать и даже исповедовать, а вот пророков никогда. Да и как бы это произошло? Это мы, грешные, должны исповедоваться пророкам, а не пророки нам. Сказано: «Бога человеком невозможно видети, на Негоже не смеют чины Ангельстии взирати», а с библейскими пророками разговаривал Господь и даже являлся им в каком-нибудь образе. Что же я могу сказать вам о даре пророчества? Вы, как я понял, верующий человек?

– Я хотел бы верить.

– А что вам мешает?

– Ничего. В данном случае это местоимение. Моей вере нужна опора, а я барахтаюсь в этом Ничего, не зная, то ли я пророк, то ли страдаю манией величия.

– М-м-м... А какой образ жизни вы ведете?

– В смысле? – не понял Енисеев.

– Библейские пророки были праведниками. Вы праведник?

– Во всем, что не относится к моим попыткам пророчествовать, я обыкновенный обыватель.

– Но обыватели не становятся пророками.

– Я знаю. Я и пришел вас спросить: кто ими становится? Вы, как я понял, мне ответили: нужно быть праведником. Так?

– Полагаю, это необходимое условие.

– Однако, судя по вашим словам, вы даже среди праведных людей, если не считать старцев, пророков не встречали.

– Да.

– Стало быть, я должен поставить себе цель стать праведным человеком, а не пророком.

– Вам кажется это слишком большой жертвой? Ведите праведную жизнь и положитесь на Господа, и Он рано или поздно даст вам знать, пророк вы или нет. Со старцами, во всяком случае, так и происходит.

– Мне кажется, это было бы с моей стороны не очень нравственно.

– Отчего же?

– Ну, получается, что праведная жизнь, с моей стороны, есть лишь средство для достижения цели – стать пророком. А праведная жизнь, наверное, должна быть самоцелью. Что же это: я буду год за годом вести праведную жизнь и думать: когда же, наконец, я стану пророком?

– К чему вы клоните?

– К тому, что развить свой дар одной лишь праведной жизнью мне не удастся. Для этого, наверное, нужна какая-то сверхправедная жизнь. Но какая?

– Я не являюсь вашим духовным отцом и не могу вам советовать вести какую-то сверхправедную жизнь. Я не знаю, насколько вы к ней готовы.

– Я готов. Но не готов мучиться сознанием, что она не помогает мне развить свой дар. Как мне быть?

Священник задумчиво глядел на Енисеева.

– Знаете, что? – наконец, сказал он. – Давайте, чтобы хоть как-то решить этот вопрос, подключим ваши способности. Что я, по-вашему, сейчас вам скажу?

– Ну, это просто. Вы мне скажете примерно следующее: если вне Церкви нет спасения, то тем более никакого дара свыше вне Церкви развить невозможно. Но меня-то интересует, что мне дальше делать, уже завтра: искать ли тихого безмолвного жития или пытаться пророчествовать?

Батюшка был удивлен, но опытом, кажется, остался доволен.

– Да, вы необычный человек, – откашлявшись, признал он. – Я думаю, вам не пришло еще время спасаться. Пророчествуйте.

– Но кому, батюшка, кому? Я же с этого и начал, что некому!

– Не вы с этого начали. С этого начал испытывать вас Господь, если Он действительно одарил вас способностью к пророчеству. Не ищите тех, кто захочет вас слушать. Идите к тем, кто вас слушать не хочет.

– Стало быть, тот путь, которым я сейчас иду впотьмах, правильный?

– Откуда вы знаете, что идете впотьмах? Может быть, вы идете с закрытыми глазами?

6

Ночь. Пустота. Фонари. Светофоры. Всё неподвижно – на земле и на небе. И только далеко вверху, как живая звезда, мерцал огоньками самолет. Где-то в ночи на одном из таких самолетов летела его жена. Она была стюардессой. Енисеев не знал, любила ли она его, не знал даже, верна ли она ему, но всегда в ее отсутствие, видя в ночном небе мигающую звездочку самолета, думал: «Это – Надя».

Однажды он летел в командировку в Иркутск. Тогда еще в самолетах курили, в специально отведенных местах. Обычно они располагались возле туалетов. После взлета Енисеев поглядывал в ту сторону, но курящих не видел. В то же время с другой стороны, из занавески, разделяющей салоны, слабо доносился запах табака. Он решил заглянуть туда. Там, в маленьком «предбанничке» возле кухни, курила в кресле у окошка молоденькая стюардесса. Енисеев обратил на нее внимание, когда она еще разносила воду. Светлоликая, тонкая, с ладной фигуркой, она очень точными, выверенными движениями подавала стакан. При этом рука у нее ни разу не дрогнула, и Енисеев тогда подумал, что нипочем бы не выучился такому искусству.

– А мне нельзя покурить возле вас? – спросил он.

– Курите, – легко согласилась она и улыбнулась.

Енисеев зажег сигарету и подумал, что хорошо еще что-нибудь спросить у такой красивой приветливой девушки, чтобы снова увидеть ее улыбку, но ничего такого не пришло ему в голову. Не скажешь же ей, что она очень изящно подает стаканы? Енисеев, высокий шатен с падающей на глаза спутанной челкой и резким профилем, в котором было что-то гофманское, нравился женщинам, но не умел непринужденно начинать с ними разговор. Чаще всего это делали сами женщины. Между тем стюардесса затушила сигарету, встала и так же легко, как разрешила ему курить, предложила:

– Присаживайтесь, если хотите.

– Нет, что вы, что вы, – прижав руку с сигаретой к сердцу, отказался смущенный Енисеев и так энергично помотал головой, словно она предложила ему пакетик героина.

Улыбнувшись желанной светлой улыбкой, девушка ушла в подсобку. Енисеев докурил и вернулся на свое место. Через некоторое время ему показалось, что в самолете что-то изменилось. Ровный шум двигателей стал тише. Прислушавшись, он понял, что гудение стихло только с левой стороны. Енисеев повернулся к своему соседу, подполковнику авиации. Тот тоже сидел, наставив ухо в сторону левого крыла. Сходу прочитав в глазах Енисеева направление его мысли, подполковник шепнул:

– Идем на правых двигателях. Только прошу вас, молчите, не создавайте панику. Мы можем лететь и на одном двигателе.

Енисеев кивнул, вспомнив, однако, что у большинства разбившихся самолетов, о которых он слышал, тоже продолжали работать один или даже два двигателя. Он снова испытал желание покурить, на этот раз острое. Енисеев встал и пошел за ширмочку, ответив на предупреждающий взгляд соседа:

– Молчу.

Улыбчивая девушка сидела в своем креслице с белым, как снег, лицом. Напротив нее, с закрытыми глазами, сидела другая стюардесса и, кажется, молилась. Вид у них был несчастный и смертельно уставший. Енисеев, забыв о сигарете, вдруг сказал им:

– Не бойтесь. Через двадцать минут заработают все двигатели. Наш самолет сядет нормально, в штатном режиме. Вы прекрасно отдохнете неделю в Иркутске, пока его будут проверять и ремонтировать.

Стюардессы уставились на него, как на привидение, а потом вторая сдавленно пробормотала:

– Пассажир, пройдите в салон на свое место.

Енисеев, как сомнамбула, послушно пошел назад. По пути он глянул на часы. Двадцать минут! Что это? Опять накатило его скрытое призвание? Ну, ладно, ему хочется верить, что левые двигатели заработают. Но откуда взялись эти двадцать минут? И, что интересно, когда он шел курить, то испытывал страх, а теперь ни малейшего. Даже и курить расхотелось. Енисеев поудобней устроился в кресле, закрыл глаза. Ему было хорошо и покойно. О неработающих двигателях он не думал. Он даже задремал, как сквозь дрему в его сознание проникло знакомое гудение с левой стороны. Енисеев взглянул на часы. Прошло ровно двадцать минут.

Самолет сел точно по расписанию.

– Ну, что я вам говорил? – сказал Енисееву сосед, лоб которого, однако, был покрыт испариной.

– Да я ведь и не спорил.

Никто из пассажиров, кроме них, остановки левых моторов, похоже, не заметил. На выходе Енисеев поймал на себе пристальный и несколько растерянный взгляд светленькой стюардессы и улыбнулся ей в ответ:

– Вы обратили внимание? Прошло ровно двадцать минут.

Она ему серьезно кивнула. «Эх, спросить бы у нее телефончик!» Но сзади напирала толпа пассажиров, в тамбуре стояли другие стюардессы. Причем вторая, черненькая, которая прогнала Енисеева, увидев его, старательно отвела взгляд. Подобная реакция на случившееся предсказание была знакома Енисееву, а вот с уважением, промелькнувшем в глазах светленькой, он столкнулся, пожалуй, впервые. Это был, что называется, успех.

Вечером судьба приготовила Енисееву подарок: он узнал, что поселился в одной гостинице с экипажем самолета. В холле он буквально нос к носу столкнулся со светленькой, одетой цивильно – в джинсах и маечке, что лишало ее той недоступности, которую придает стюардессам форма. Узнав Енисеева, девушка всплеснула руками и без всяких предисловий выпалила:

– Самолет действительно поставили на ремонт, и мы будем здесь жить около недели!

Об этом предсказании Енисеев вообще не задумывался и не мог бы определить его генезис, даже если бы умел: никакого дела до того, сколько экипаж пробудет в Иркутске, ему не было, в отличие, скажем, от желания, чтобы двигатели через двадцать минут заработали. Может быть, в данном случае сказалось тайное желание Енисеева снова встретиться со светленькой? Но откуда он мог знать, что окажется в одной с ней гостинице? Никогда прежде ему не доводилось видеть в гостиницах летчиков и стюардесс гражданской авиации. Думалось, они живут в каких-то специальных отелях при аэропортах, как, наверное, и было во времена безраздельного царствования «Аэрофлота».

Однако Енисеев постарался не дать отразиться на лице пронесшимся в его голове сомнениям и скромно сказал:

– Я рад, что всё так получилось.

– Но как... как вы это смогли узнать?

– Вам интересно?

– Очень, – призналась девушка. – Меня подобные вещи вообще интересуют. Но лично я с ними никогда не сталкивалась. Это первый раз. А знаете, что думает моя подруга? Что вам это всё сказал ваш сосед, военный летчик.

– Отдаю должное ее наблюдательности и логике. Я действительно говорил с ним о заглохших двигателях, но он мне сказал только то, что мы можем лететь и на одном моторе. Присядем? – Енисеев указал на кресла в холле, возле бара.

– Давайте, – тут же согласилась девушка.

Вот он – первый искренне заинтересованный, невраждебно настроенный слушатель! Так, может быть, и поведать ей всё – с самого начала? Енисеев уже физически страдал от невозможности высказать людям всё, что чувствовал он и не чувствовали они. И тут он впервые, пожа-

луй, понял весь ужас своего положения. А что рассказывать? О напророченной им в детстве войне в Афганистане, которая началась, когда девушка и на свет-то, небось, еще не появилась? Его предсказание в самолете было самым эффектным и приятным для тех, кто его слышал. Другие пророчества – особенно политические – были и непонятны ввиду их сложной предыстории, и неэффектны, и малоприятны. Исключение составляло предсказание о Путине, но оно без фотографии бюста Цезаря выглядело бы не очень убедительным. Лично для Енисеева политические пророчества были ценны тем, что были связаны с его нравственными обличениями окружающего мира, но эта связь была еще ни для кого не очевидна, кроме него самого. Да и сам он скорее предполагал наличие связи между своими обличениями и предсказаниями, чем наблюдал их воочию. В этом, в сущности, и была его главная проблема. О чем же он мог поведать этой ждущей необычных объяснений девушке? О тайной его мечте, что он и такие люди, как он, в существование которых он верил, помогут человечеству снова обрести ту утраченную идеальную форму бытия, когда во главе народа стоит вождь-пророк, направляемый Самим Богом? Тогда она подумает, что связалась с каким-то сектантом, как, например, решили выслушавшие его как-то в участке милиционеры.

Енисеев приуныл. Он, ссутулившись, сидел за столиком, глядел на пепельницу, а девушка глядела на него. Пауза затянулась.

– Чай, кофе? – встрепенулся Енисеев.

– Чай... или кофе, неважно. Вы обещали рассказать мне...

– Да, то есть, нет. Я ничего не обещал. Мне бы хотелось, конечно, удивить, поразить вас, привлечь ваше внимание, но...

– Не понимаю, о чем вы. Расскажите, как вам удалось узнать про двадцать минут и неделю? Вы разбираетесь в авиации?

– Совершенно не разбираюсь, – рассмеялся Енисеев и, подумав, признался: – Я пророк.

– Как? Пророк? Типа Глобы?

– Глоба – астролог. А я пророк или думаю, что пророк. Если вы полагаете, что я знаю, как предсказал насчет двадцати минут и недели, то вы ошибаетесь. Лично я объясняю это просто: вы мне, наверное, понравились.

Однако девушка совершенно не была настроена на игривый лад.

– Но как это связано с работой двигателей? – допытывалась она.

– Стало быть, как-то связано. Вы удивитесь, но всё в этом мире связано. Даже человеческая приязнь и работа авиационных двигателей. Надо лишь уметь видеть узелки. Но это дано не каждому.

– А вам дано?

– Увы, не дано. И это меня мучит. Я вас просто с подругой успокаивал, видя ваши несчастные лица. Но всё вышло именно так, как я сказал. Такое уже со мной бывало, но, правда, это никогда не имело отношения к избавлению от какой-то опасности. Тем не менее, я должен вам сказать, что, напророчив вам в самолете хороший конец, я и сам тут же преисполнился уверенности, что так всё и будет. Ну, если не считать недели в Иркутске: я это брякнул и забыл. Приятно было увидеть, что напророчил правильно.

– Так вы никогда этим специально не занимались?

– Специально – никогда. То есть мои пророчества были, конечно, связаны с тем, что я делал, но меня о них никто не просил, и сам я еще за секунду до предсказания ни о чем подобном не думал.

– Здорово... – девушка задумалась, от чего ее изогнутые тонкие брови забавно превратились в треугольники. – Так, может быть, ваше предсказание оттого и сбылось, что вы нас с подругой пожалели?

– А, вы намекаете, что для меня необходимым импульсом могут являться добрые чувства. Должен вас разочаровать: предыдущие удачные пророчества вызывались чувствами

совсем не добрыми. Хотя отчасти вы, наверное, правы: последний опыт показал, что и добрые чувства способствуют предвидению.

– Как жаль, что это у вас всё получается случайно! – воскликнула девушка. – Слушайте, а может быть, вам стоит поучаствовать в «Битве экстрасенсов»?

– Нет, не стоит. Это же шоу.

– То есть вы думаете, что там всё ненастоящее?

– Насчет всего не знаю, но вижу, что участники появляются и в других телешоу, причем идущих в тот же день. А потом, я ведь не экстрасенс и не собираюсь развивать свои скромные способности для того, чтобы разгадывать загадки и раскрывать преступления. Я хотел бы стать пророком, если мне, конечно, это суждено, но меня совсем не прельщает карьера колдуна или бытового предсказателя.

– А в чем разница? Чем занимаются пророки?

– Занимаются – не то слово. Пророки живут, но мир ощущают по-другому, нежели остальные люди, с полным проникновением в суть всего, происходящего в мире. *Всего*, понимаете? В том числе и того, что другие люди не видят и не слышат. Помните, у Пушкина в стихотворении, которое вы, наверное, учили в школе?

«Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье».

Мне довелось испытать нечто подобное лишь в детстве, перед тем, как я предсказал войну в Афганистане...

– Наконец-то я поняла, о чем в этих стихах идет речь! – призналась девушка. – А то меня всегда сбивали эти гады морские...

Енисеев и Надя, как звали стюардессу, подружились. Судьба неожиданно подарила им недельный отпуск, лучше которого Енисеев не проводил за всю свою жизнь. Летнее кафе на берегу Ангары, чувство беззаботности и свободы, солнце, играющее в водах мощной реки, опрокинутое в них высокое чистое небо с перистыми облаками... Причудливые каменные купеческие дома на широких улицах, дивные цветники, такие неожиданные в сибирском городе... Легкая грациозная фигурка Нади, взбирающейся на гранитную кручу возле Кругобайкальской железной дороги... Необозримая синяя гладь Байкала, на которой внезапно появлялись усатые морды и маслянистые спины нерп...

И полдень в номере с задернутыми шторами, разбросанная по комнате одежда; светлое лицо Нади на подушке, изгибы ее гладкого тела, от прикосновения к которым перехватывало дыхание у Енисеева, быстрый, как у птицы, стук ее сердца, неожиданная сила ее тонких рук, задрожавших и обмякших, когда она тихо застонала, но вскоре сомкнувшихся на его спине с новой силой; короткие провалы в сон и внезапные, с ударом сердца, пробуждения, после которых, еще не открыв глаз, они снова, как капельки ртути, льнули друг к другу, гибко сплетаясь руками и ногами, словно не желая оставлять и малейшего зазора между собой.

День мелькнул и пропал. Тихо дыша, Надя спала на груди у Енисеева. Ночью она вдруг вскочила с постели.

– Сколько времени? Где часы? Где мобильник? Сумочка?

Не открывая глаз, Енисеев зашарил рукой по тумбочке, ища ночник. Вспыхнул свет. Нагая Надя, гибко наклоняясь, поднимала и бросала в беспорядке разлетевшиеся по всей комнате вещи. При взгляде на нее у Енисеева снова перехватило дыхание.

– Первый час! Я же не пришла ночевать! Что подумает моя соседка? – Она в спешке, теряя равновесие, путалась в паутинке трусиков.

Енисеев схватил ее за руку.

– Не уходи.

– Как так «не уходи»? Если не приду, не совру ей чего-нибудь, завтра обо всем командир узнает. Нет, надо идти!

– Давай, чтобы ты не врала, я тебе предскажу кое-что.

– Да ну тебя! Илюша,пусти, мне, правда, надо идти.

– Мы прилетим в Москву, и ты выйдешь за меня замуж. И не надо будет никому ничего объяснять.

Девушка замерла, подняла брови. Несколько секунд она глядела в глаза Енисееву, потом лицо ее осветилось улыбкой:

– Вот как? А когда же ты сделаешь мне предложение? В Москве? Или ты его делаешь сейчас?

– Ну, конечно, сейчас.

– И это не предсказание?

– Почему – предсказание. Но только от тебя зависит, сбудется ли оно.

Надя подбоченилась, покачала тонкими бедрами.

– Тогда я подумаю.

Но у Енисеева не осталась.

Она пришла утром со стаканчиком кофе и, отдав его Енисееву с той же точной грацией, как это делала в самолете, сказала: «ДА». Надя не раз потом повторила это «ДА»: в постели, когда торопила сладкую муку, обнимая его с неженской силой, и когда слабела у вершины любовных трудов, и руки ее начинали дрожать.

Никогда больше им не было так хорошо, как в эту неделю. Вернее, было еще хорошо, но не так. Жизнь постепенно разводила Енисеева и Надю по разным углам. У них не было, в сущности, общей жизни, кроме интимной. Да и та выдалась странная, урывками: они не видели друг друга половину дней в году, поскольку из стюардесс Надя не ушла. Поначалу Енисеев настаивал на этом, но Надежда спросила, сколько он зарабатывает в месяц, и, когда узнала, что в иные месяцы нисколько, сказала: «Вот видишь», и отправилась в очередной рейс. Енисеев не успевал к ней толком привыкнуть, когда она возвращалась из рейса, а Надежда уже уходила от него – в точности, как после первой их близости в иркутской гостинице.

Курьезным в этой ситуации с семейным заработком являлось то, что общие деньги им были почти не нужны: из-за встреч урывками они не имели возможности их вместе тратить. Это касалось даже еды и питья, потому что холодильник был забит «невостребованными» пассажирскими пайками и маленькими бутылочками спиртного, которые привозила из рейсов Надя. Одежду она покупала на дешевых распродажах во время заграничных рейсов, а стирать ее относила в автопрачечную при авиакомпании. Прочим домашним хозяйством «по умолчанию» занимался Енисеев, а «хозяйства» того оставалась уборка да плата по счетам. Идеальная жизнь для тех, кто плачет, что их «заедает быт»! Но Енисеев с удивлением обнаружил, что этот самый презренный быт цементирует семейную жизнь, а без быта она похожа на состояние незакрепленных предметов в условиях невесомости.

Жили они в квартирке Енисеева, которой им вполне хватало, но Надя копила на большую, для будущих детей. Это уже являлось элементом семейной жизни, однако, от разговора о том, чтобы родить ребенка уже сейчас, Надя уходила, отговариваясь общепринятым «надо встать на ноги». Хотя, что это за «ноги» и откуда они растут, было не очень понятно,

ибо Енисеев карьеры никакой не делал, а карьера стюардесс – понятие весьма относительное. Надя не заставляла его предохраняться, но сама из месяца в месяц с бухгалтерской пунктуальностью принимала противозачаточные таблетки. Енисеев боялся у нее спрашивать, пила ли она их с тем же постоянством прежде, до встречи с ним, потому что это означало бы, что она вела регулярную половую жизнь до него, но с кем? Молва говорила, что стюардессы живут с пилотами, и, видимо, молва не всегда была не права, потому что в ночь после свадьбы Надя призналась, что в ее жизни был летчик, которого она «из своей жизни давно вычеркнула». Ну, этого вычеркнула, а летчиков еще много. Работа у пилотов и стюардесс тяжелая, а жизнь в чужих городах, в перерывах между рейсами не слишком веселая и разнообразная, и самый верный способ расслабиться – секс. Енисеев не был слишком ревнив, он не рисовал в своем воображении картин Надиных измен, но от одной мысли о том, что какой-то летчик делит с ним дрожь ее тонких рук, ему делалось нехорошо. Как бы в шутку он однажды спросил у жены, не изменяет ли она ему между рейсами с пилотами, а она в той же тональности отвечала, что не смеет, потому что живет с пророком, которому сразу всё станет известно.

Но шутки шутками, а способности Енисеева не помогли ему узнать, верна ему его жена или нет. Он и так-то не знал, как ему их применять, эти способности, если они вообще были, а тут откровенно терялся. Та светлая Надя, с которой он познакомился когда-то в самолете, не могла ему изменять, но та молодая красивая женщина, которая ровным деловым голосом отвечала ему по мобильному из другого города, могла себе позволить всё, что угодно, если считала это необходимым и удобным. Так Енисеев думал, но выводов никаких не делал, потому что ничто не подсказывало ему этих выводов, как это бывало во время его внезапных пророчеств.

В глубине души Енисеев понимал, что сомнения его связаны с некоторыми несбывшимися ожиданиями – как с его, так и Надиной стороны. Она вышла замуж за необычного человека – во всяком случае, таким Енисеев ей тогда казался, но более необычным, чем тогда, в Иркутске, Енисеев за несколько лет совместной жизни не стал. Он был всё тем же непризнанным и несостоявшимся пророком. Но он не состоялся и на других поприщах – и как педагог, и как филолог, и как журналист. Его призвание или то, что он считал таковым, мешало ему реализоваться в обычной жизни, а работа мешала призванию. Он всё более и более ощущал себя в роли вечного студента из чеховского «Вишневого сада». Всего этого не могла не ощущать и Надежда – пусть и на свой, женский лад. Это только так говорится, что женщины любят в нас лишь успех: женщины любят в мужчине и устремленность к чему-либо без видимого успеха, если он идет к своей цели, не сворачивая. Они это считают настоящим мужским качеством и готовы простить мужчине отсутствие результатов на этом пути, но не могут простить ему бездействия, даже если он им докажет, как дважды два, что действовать в этой ситуации невыгодно и неразумно.

Енисеев понимал, что он не похож на человека, настойчиво преследующего какую-то цель. Дело даже было не в участии в «Битве экстрасенсов» или какой-нибудь другой телепрограмме. Он не был одержим своим даром, не впадал в транс, не метался с горящими глазами, не вещал трубным голосом – короче, не вел себя так, как по общему мнению, должны вести себя прорицатели. Он просто задумывался на некоторое время, а потом неожиданно начинал говорить. Надя стала свидетелем еще нескольких его предсказаний, эффект которых, впрочем, был ослаблен тем, что они свершались не так быстро, как это произошло в самолете. Как ни удивительно было каждое пророчество само по себе, оно было ничем не лучше предыдущего, и это придавало им некую обыденность. Енисеев чувствовал, что его странные способности стали для Нади привычными, и она не ждет от него большего. А помимо этих способностей в нем не было, на его взгляд, ничего оригинального, ничего такого, за что женщина могла его любить. Всё чаще Енисеева посещала мысль, что молодая красивая жена живет с ним по некоей инерции, и едва ли он ей кажется столь же привлекательным, как те же brave летчики и пассажиры бизнес-класса. Он так привык к этой мысли, что перестал спрашивать Надю, что она

делает в других городах между рейсами: боялся, что она, отвечая, чем-нибудь выдаст ложь, и это станет искрой, от которой в нем вспыхнет ревность. Стоило Наде заговорить о работе, как Енисеев сразу отворачивался или под каким-нибудь предлогом выходил из комнаты. И, как следствие, между ними повисла недоговоренность, от которой в отношениях стали исчезать простота и легкость. В незабываемую иркутскую неделю они стали настоящими друзьями, а сейчас, после нескольких лет супружеской жизни, были больше похожи на приятелей.

Но они по-прежнему неподдельно радовались друг другу, когда Надя возвращалась из рейса, и Енисеев никогда не забывал, что она была первой, кто поверил ему, и всегда думал о ней с теплотой, глядя на огоньки пролетающих в ночи самолетов.

7

Низкий свист авиационных двигателей донесся со стороны летного поля, стекла тонко задребезжали. Енисеев с фотографом поднялись с банкетки, распрямили затекшие члены и, позевывая, пошли к барьерчикам, ограждающим от публики маленький зал прилетов. Не выпавшийся солдат из оцепления, завидев их, выставил обе руки вперед. Они показали ему аккредитационные карточки.

– Ладно, – кивнул он, – только стойте здесь, дальше не ходите.

Фотограф занялся аппаратурой, а Енисеев, облокотившись о барьерчик, глядел сквозь мутное стекло на затянутое лениво колыхающимся туманом летное поле, над которым занимался хмурый рассвет. Он не видел ни самолета, ни пассажиров. Минут через пятнадцать из клубов тумана наконец появились люди. Как ни странно, впереди шла не охрана и не первые лица делегации, а тележурналисты со снимающей техникой. Такое бывало, когда телевизионщики забегали вперед для съемки, но эти ничего не снимали и даже не расчехляли аппаратуры. Гомоня, они ввалились в аэропорт. Судя по шипящим и жужжащим звукам их речи, это были поляки. За телевизионщиками, наконец, показалось несколько вип-персон, то есть людей с холеными лицами и в дорогих костюмах, но коротышки Леха Качиньского с супругой среди них не было. Шествие замыкала журналистская сошка помельче, вроде Енисеева и фотографа. А где же Качиньский?

Недоумевающий Енисеев ждал, когда прибывшие пассажиры пройдут паспортный и таможенный контроль. На выходе из турникета он поймал за рукав одного поляка – носатого светловолосого парня в ветровке.

– Слушай, пан! А где ваш президент? Где правительственная делегация? Польске керовництво?

– Летят за нами, – на чистом русском языке с едва уловимым акцентом ответил парень. – По инсайдерской информации. – Он подмигнул. – Через полчаса или час будут здесь. Так что ждите.

– Через полчаса или час? – удивился Енисеев. – Но туман сгущается, видимость метров двести! Вы-то, наверное, с трудом сели, а они?

– Не беспокойся. Их самолет набит электроникой. Они сядут и с завязанными глазами. Слушай, а где здесь бар?

– Нигде. Это же военный аэродром.

– А «дьюпти фри»?

– Тоже нет.

Белобрысый заметно расстроился.

– С меня причитается. За «инсайдерскую информацию». – Енисеев вынул из кармана куртки маленькую бутылочку «Ред Лэйбл» из Надиных запасов и протянул поляку.

От радости тот перешел на польский:

– О-о! Дзенькую! Дзенькую! Спасибо! Вчера перед вылетом сильно выпили, а в самолете сухой закон! Вот так вы, русские, поляков покупаете!

– И неполяков тоже, – уточнил Енисеев.

Белобрысый загоготал, мигом открутил голову бутылочке и отхлебнул половину.

– А ты будешь?

– Пей, у меня еще есть. – Енисеев достал другую бутылочку, «Джек Дэниэльс», и тоже отхлебнул.

– Да у тебя полные карманы виски! – с завистью воскликнул поляк. – А еще говорят, что русские непрактичны! Я вот не додумался взять с собой!

– Всё же, я думаю, они не прилетят... – сказал Енисеев, шурясь на туман, уже вплотную подступивший к окнам аэропорта. – Разве можно рисковать в таком тумане, даже если самолет набит электроникой? Они, наверное, уйдут на запасной аэродром.

– Да ты что? Какой запасной аэродром? Только Смоленск! Церемония назначена на утро! Там, в Катыни, уже люди собрались!

Енисеева как будто что-то толкнуло в спину. Знакомо, с томительной оттяжкой, ударило сердце. Он еще и не думал ничего говорить, как услышал, словно со стороны, свой голос:

– Самолет Качиньского через сорок минут разобьется при посадке. Все люди на борту погибнут.

Поляк остолбенел, а потом осклабился:

– А, понимаю, шутка, черный юмор! Или, как у вас говорят... прикол! – Он погрозил пальцем: – Не любите вы Леха Качиньского! Ох, не любите! Или ты стрингер и хочешь сенсации? Но сенсации приходят, когда их не ждешь. Ладно, пойду к своим. Спасибо за виски!

Он ушел, а Енисеев невидящими глазами смотрел ему вслед. Потом глянул на часы: 10:01.

– Ты чего его пугаешь? – недоуменно спросил фотограф. – Это же не шутка – самолет с людьми! Ну, допустим, Качиньский – сволочь, а другие-то здесь причем? Стюардессы, например? У тебя же жена – стюардесса! Она, случайно, не в полете? Готов спорить, что сейчас этот журналиста будет своим рассказывать, какие русские папарацци кровожадные.

Енисеев ничего ему не ответил и отошел в сторонку. Ему было страшно. Никогда он еще ничего не предсказывал о гибели людей и не желал ничьей гибели. Не хотел же он гибели своим дядьям, когда сказал им в детстве, что они гибнут! Если речь шла о жизни людей, для него не имело абсолютно никакого значения, сволочь или не сволочь Качиньский, русофоб или не русофоб, и так ли уж невинны люди, летящие с ним. Не он им давал жизнь, не ему отнимать ее. Енисеев читал о колдунах и экстрасенсах, потаенные злые желания которых материализовались помимо их воли. Но ни по пути в Смоленск, ни во время ожидания на этом убогом аэродроме он не испытывал и тени желания, чтобы самолет Качиньского разбился. Он даже ни о чем подобном и не думал, и сама эта тема возникла всего несколько минут назад в связи со сгустившимся туманом. Енисеев закрыл глаза, представил разбившийся лайнер, разлетевшиеся на несколько десятков метров окровавленные кресла и вещи, искромсанные человеческие останки... На спине его выступил холодный пот.

Впервые за историю своих предсказаний Енисеев стоял перед необходимостью что-то делать. От него совершенно не зависело, начнется война в Афганистане или нет, заработают или нет остановившиеся моторы во время памятного иркутского рейса. Он лишь сказал, что война начнется и что через двадцать минут двигатели заработают. Он не мог ничего изменить в будущем Путина, независимо от того, пойдет тот путем Юлия Цезаря или нет. Он лишь написал, что Путин из того же типа людей, что и Цезарь, и политические клоуны – ему не конкуренты. Но самолет Качиньского, если верить польскому журналисту, был еще в воздухе, и будет еще не меньше получаса. Пророчество гласило, что он разобьется при посадке, – стало быть, пока он в воздухе, еще можно что-то изменить. И, хотя история человеческих пророчеств ясно говорила о том, что все попытки не допустить предсказанного лишь способствовали его свершению, он не мог просто так сидеть и ждать. Хотя бы из-за того, что Надя тоже могла быть в воздухе, как верно сказал фотограф. Ничего не предпринимать сейчас было бы предательством по отношению к ней. Или, во всяком случае, дурным предзнаменованием того, что могло случиться и с ней. Ведь они познакомились, когда он предсказал нечто противоположное тому, что предсказал сейчас.

Но куда идти? К руководителю полетов? К диспетчерам? Он потратит драгоценные полчаса только на то, чтобы пробиться к ним, а если пробьется, время для принятия решений

уйдет на выяснение, не сумасшедший ли он. Енисеев дрожащими руками вынул из кармана бутылочку виски и отхлебнул. Время таяло неумолимо. Он встал и пошел к полякам.

Белобрысый парень, завидев его, взмахнул руками:

– О! К нам пожаловал ходячий склад виски! Не нужна ли еще какая-нибудь эксклюзивная информация в обмен на бутылочку?

– Отойдем в сторонку, – предложил Енисеев.

– Добже, одейзем в бок! – с готовностью отозвался поляк, которого, видимо, не оставляла мысль о дармовой выпивке. – Но если ты насчет самолета Качиньского, то он еще не упал, – сострил он.

– Я именно насчет самолета, – понизив голос, сказал Енисеев. – Понимаешь... ведь я не пошутил. Я вообще предпочитаю не шутить, когда дело касается чьей-нибудь смерти. Просто я иногда, ни с того ни с сего, говорю вещи, которые... сбываются. Понимаешь?

– Ты предсказываешь будущее? Как Нострадамус?

Енисеев вложил ему в руку «мерзавчик» с виски.

– Выпей еще, но послушай меня внимательно и серьезно. У нас мало времени. Я не Нострадамус и не предсказываю специально будущего, но иногда это у меня получается. Я познакомился со своей женой в самолете, и тут внезапно отказали два двигателя. Я сказал, и сам не знаю почему, что они заработают через двадцать минут. И ровно через двадцать минут они заработали. Не исключено, что это случайность, но они заработали! Я сказал Юлии Тимошенко, и тоже не знаю зачем, сколько голосов она не доберет для победы. И именно столько она не набрала. И вот теперь, когда я точно таким же образом вдруг предрек гибель самолета, я спрашиваю себя: что будет дальше? Я сказал, что он разобьется при посадке, стало быть, еще есть время предотвратить крушение. Но его с каждой секундой остается всё меньше.

Белобрысый, слушая Енисеева, даже забыл о виски.

– А чего ты хочешь от меня? – пролепетал он.

– Как чего? У вас наверняка есть какая-то связь с людьми в президентском самолете! Надо убедить пилотов, чтобы уходили на запасной аэродром. Надо сказать, что здесь на расстоянии вытянутой руки ничего не видно, да что угодно соврать, лишь бы они не селились! Тем более что, это почти правда, посмотри в окно.

Поляк молчал, в нерешительности теребя молнию своей ветровки.

– Ну! Это же ваш президент! Ваше руководство!

– Но что я скажу? Кто поверит в твое предсказание? Про туман и так все знают. И вообще, такого рода информацию передают диспетчеры. Почему бы тебе не пойти к ним?

– А почему я пошел к тебе? Ты, журналист, еще мне можешь поверить, а военные диспетчеры пошлют меня на «три»! Время уйдет, и изменить что-либо будет уже невозможно!

Белобрысый задумался и с неохотой согласился:

– Хорошо... Есть тут у нас один «куратор»... из «дефензивы». Поговорю с ним.

– Только побыстрее!

Поляк ушел и через несколько минут вернулся с круглолицым седоватым плотным человеком с внимательными глазами.

– Хочу спросить вас, пан, – сказал он Енисееву, обнаружив, как и белобрысый, хорошее знание русского языка, – а вы не насмотрелись, случайно, американских фильмов о предсказателях авиакатастроф?

– Мне самому не доводилось предсказывать избавление от катастрофы. И поэтому я встревожен, впервые предсказав ее. Тем более что, для этого есть реальные основания. Разве вы не видите, какой туман? Сейчас еще можно что-либо изменить, а потом будет поздно. Подумайте об этом.

– Я думаю о том, не угодно ли русским сорвать церемонию в Катъни, убедив пилотов президентского самолета сесть на запасной аэродром?

– А церемония состоится, если самолет разобьется?

Куратор сдержанно рассмеялся.

– И всё же: откуда мне знать, что пан не работает в КГБ?

– Потому что КГБ давно уже нет! А ФСБ, наверное, без меня нашло бы способ посадить президентский борт на запасной аэродром. Они просто закрыли бы этот аэропорт, и всё.

Поляк поглядел прямо в глаза Енисееву. Енисеев ответил ему столь же прямым взглядом.

– Ну что ж, – кивнув каким-то своим мыслям, промолвил куратор, – допустим, вы не похожи на провокатора. А туман и впрямь сильный. Русский Ил-76 минут сорок назад не стал здесь садиться. Правда, это большой транспортный самолет. В общем, независимо от того, что вы тут предсказали, есть повод поговорить с пилотами нашего Як-40. Они могут связаться с президентским бортом.

– Только помните, что осталось уже не сорок, а двадцать две минуты.

– Я это учту, – слегка улыбнулся куратор и ушел.

Енисеев остался с белобрысым журналистом. Тот вспомнил про бутылочку виски в руке и в несколько приемов осушил ее. Потом он с опаской и любопытством посмотрел на Енисеева.

– Слушай, – сказал он, – я не знаю, как предсказывают будущее, но если ты увидел, как самолет упадет, не можешь ли ты сделать, чтобы он не падал?

– Нет, не могу, – ответил Енисеев. Его знобило, кровь стучала в висках. – Я не маг. Я и сам не понимаю, как получаются предсказания. На меня неожиданно накатывает что-то, а потом исчезает. В детстве я так предрек афганскую войну. А однажды я смотрел на портрет Юлия Цезаря и увидел лицо Путина. Через несколько месяцев он стал президентом. Но я предсказал нечто, существующее помимо меня. Управлять этим я не умею.

– А ты попытайся. Может быть, получится.

– Не получится. Это не зависит от моих желаний. Мне не дано влиять на ход событий. Я еще могу обличать на манер пророка, но не могу, как пророк Илия, засушить источники вод.

Енисеев снова посмотрел на часы. 10:26. Осталось пятнадцать минут. Значит, самолет уже снижается. Где этот чертов куратор? Один разговор, другой, третий – так и пролетят бездарно все сорок минут... А может быть, надо было просто молиться о спасении людей? И настоящие пророки – потому пророки, что молятся? И пророчества их исполняются по молитве? А я не умею молиться и иду с закрытыми глазами, как сказал батюшка.

Енисеев попытался молиться. Ничего, кроме «Господи, спаси их!», в голову не шло. «Господи, уведи их на запасной аэродром!» Он вспомнил, что есть молитва «Живый в помощи», 90-й псалом, но наизусть его целиком не знал. А ведь его написал пророк! Как там сказано? «Не убоишься от страха ночного, от стрелы, летящая во дни...»

В этот момент появился поляк-куратор.

– Мы стучимся в открытую дверь, панове, – объявил он. – Буквально несколько минут назад пилоты президентского борта сами связались с нашими пилотами, и те сообщили им всё о здешних плохих погодных условиях. Командир президентского лайнера не исключил, что уйдет на запасной аэродром. Решение он будет принимать при заходе на посадку.

– Но ведь он, наверное, уже заходит на посадку! Скажите ему, чтобы немедленно поворачивал!

– Друг мой, – недовольно пожевав губами, сказал куратор, – вы забываете, что изменить направление полета может только командир корабля. Между прочим, в самолете находится и командующий польскими ВВС. Наверное, эти люди понимают в своем деле больше нас. Так что оставим решение за профессионалами. Тем более что, как выяснилось, они имеют объективную информацию о погодных условиях. А вам от лица нашей делегации хочу выразить благодарность за проявленную тревогу о польском руководстве, что весьма необычно при нынешнем состоянии польско-российских отношений. Вы благородный человек!

Енисеев вяло пожал полякам руки и отошел. Никакого облегчения от того, что сообщил пожилой поляк, он не испытал. Что изменилось с тех пор, как полчаса назад он предрек гибель самолета? Да ничего. Правда, пилоты президентского борта уже знают про сильный туман, но они ничего не знают о предсказании. А ведь он не из-за тумана пошел к полякам! Главное было то, что устами Енисеева неведомая сила напроначала катастрофу, а пилотам по-прежнему было известно только о тумане и том, что Як-40 всё же в этом тумане сел. И последнее могло для них быть важнее первого. Наверняка они чувствовали себя бóльшими профессионалами, чем пилоты Яка. Склонить к решению уйти на запасной аэродром их может нечто более весомое, чем та информация, которую они имеют. Но именно эта информация до них так и не доведена!

Оставалось восемь минут. Он хотел встать и пойти снова к полякам, но ощутил внутри себя бессилие, природа которого не зависела от него самого. Это было бессилие перед судьбой. Впервые он почувствовал ее как нечто почти материальное, сковавшее его движения. Несмотря на все его пророчества или полупророчества, понятие неумолимости судьбы было до сих пор для Енисеева не более чем образом, а теперь на примере бесплодных по сути разговоров с поляками он увидел, сколь тщетны попытки противостоять судьбе. Дело было, очевидно, не в том, что это в принципе невозможно, а в том, что предсказание, будучи непостижимым по сути своей, развивается в пределах естественных, постижимых, привычных. Чтобы поломать предначертанное, требуется немедленно выйти за эти пределы, а мы неохотно покидаем всё привычное. Побороть судьбу – это значит решительно, без оглядки повернуть в другую сторону, как это должны сделать пилоты самолета Качиньского. Но они тоже подчинены инерции привычного и зависят от решений других людей, в том числе и тех, что предупреждены, как собеседники Енисеева. А они предупреждению не вняли. Видимо, чтобы вовремя поверить предсказанию, необходимо верить в предопределение вообще, а современные люди полагают, что пророчества – это удел немногих избранных вроде Ванги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.